

Забавы Антуана Ватто

(К 3-й странице обложки)

Карл Второй, король Испании, был стар, детей у него не было. Король 2 октября 1700 года подписал завещание, в котором назначил своим наследником французского принца — Филиппа Анжуйского. В ноябре король умер. Наследство было принято. Политическое равновесие в Европе нарушилось. Весной 1701 года началась война.

Тогда-то, спасаясь от рекрутского набора, долговязый, но слабогрудый Антуан Ватто, семнадцатилетний сын кровельщика, ушел из родного Валансьена, знаменитого своими кружевами и крепостными сооружениями. Позади оставалась мещанская юность, по обеим сторонам дороги догорал семнадцатый век, навстречу брели новобранцы, догоняющие свой полк, скрипели колеса маркитантских повозок. Антуан надеялся, что в Париже сумеет продать свою жизнь дороже, чем на полях Фландрии. Он думал — жизнь вся впереди, а половина была уже прожита. Он шагал налегке, все имущество его составляли рисовальные принадлежности, меланхолия, чашотка, талант.

В столице нового столетия Ватто не затерялся. Совпадение случайностей, похожее на судьбу, вывело его из толпы безвестных мастеровых, доставило заказчиков и друзей. Мало сказать, что он сделался модным живописцем. Его муза стала любимой камеристкой моды, ее наперсницей и наставницей. Появились прически и шляпки à la Ватто, он расписывал веера и кришки клавикордов. Раскупались нарасхват и его картины, вернее — картинки: эти творения не скрывали своего родства с утварью, не забывали, что они — вещи, что ими можно обладать; они искали благоволения зрителя с такой интимной предупредительностью, какая не снилась гордому искусству Пуссена или Рубенса. Ватто не подписывал и не датировал свои картины и не давал им названий. К чему? Разве мензур или парик нуждается в имени? Он должен нравиться — вот и все. И молодой провинциал мастерил одну за другой композиции, мелодичные, как бой каминных часов; изящный жест запирал каждую из них, как шкатулку; взоры, встречаясь и расходясь, формировали пространство, мнимое и глубокое, словно в зеркале. В этих картинках салон мечтал о саде, и платья атласного шелка не боялись травы. Под сенью роц дамы и кавалеры

играли невинно-пикантную пантомиму, плыл — с приличной извивостью — бесконечный куртуазный сюжет: любое прикосновение открывает новую главу; приглашение к танцу — событие; в мановении руки — намек... Нарядные человечки не притворялись всамделишными, жили тихо, как будто в натюрморте. Хлопотали порошью кто о чем, но все вместе выражали состояние покоя.

Все это называлось — галантные празднества. И Ватто написал их много. Цену за них он спрашивал низкую; на него находили припадки ярости, и тогда он свои работы с мстительным наслаждением уничтожал. Ватто хоть и не получил образования, но к живописи относился серьезно. Он невысоко ставил эти роскошные безделушки, хотя они были красивы и кормили его и восхищали меценатов. Ватто, по-видимому, не замечал, что нелюбимые дети все-таки похожи на него, что, машинально тасуя легкомысленных персонажей, он невольно выдавал свои заветные мысли.

Есть два наклонения мечты: желательное и условное. Один строит воздушные замки, другой — картонные домики. Праздники Ватто — игра, забава, меланхоличная и монолитная, как пасьянс.

Вот как настаивал Ватто своего ученика: «Он посоветовал Ланкре отпразднать в окрестности Парижа и нарисовать несколько пейзажей, затем нарисовать несколько фигур и из этих зарисовок скомпоновать картину по собственному воображению и выбору». Так он и сам поступал. Он рисовал с натуры каждое утро. Сочинение картины состояло в том, чтобы выбрать из альбома разные моменты разных жизней и склеить их на полотно. Не меняя ни позы, ни жеста, одни и те же фигурки порхают с холста на холст, из пейзажа в пейзаж, из одной компании в другую. Эти господа держатся непринужденно, однако не умеют уверить нас, будто их трогает веселая суэта ситуации. Каждый живет в глубине своего мгновения, чуждого окружающему. Выдает их главным образом взгляд: и друг на друга, и на зрителя они смотрят внимательно и печально. Так, узнавая, выкают в собственное отражение. И зрителю передается случайность и эфемерность существования этих условных любовников и мнимых счастливых; заводные игрушки, нарядная мошкара — вот что такое люди; и Ватто с сострадательным пренебрежением подчиняет их своей прихоти, заставляет обниматься и плясать. Подражая провидению, он утешал свою гордость.

Так он жил, играя в чет и нечет чужими, воображаемыми радостями. Это скоро приелось, как и восторги

знатоков. Ватто скучал, презирал себя и других, мечтал уехать куда-нибудь — хоть в Валансьен, если нельзя в Италию. «Единственными его недостатками, — говорит мемуарист, — были равнодушие да еще любовь к переменам». В гущу города Парижа он вел жизнь одинокую и скромную, чуждый кипевшему вокруг роскошному разврату Регентства.

В 1716 году из двадцатилетнего изгнания вернулась в Париж итальянская труппа и стала давать спектакли в Бургундском отеле. Ватто влюбился в комедию дель арте. Она говорила, что мир полон ряжеными; чтобы раззадить людей, надо их переодеть; чтобы сыграть жизнь, дозволено дюжины масок. Чем тверже маска, тем беззащитней лицо. Ватто узнал себя в неловком и простодушном Пьеро. Современники вдруг увиделись ему распавшейся трупной комедиантов, способных представить в лицах его тоску, и страх, и нежность. Он понял, что можно писать портреты знакомых, как свою предсмертную исповедь, и создал несколько пронзительных шедевров. Но было уже поздно. Если верить легенде, Ватто умер с кистью в руке.

В Эрмитаже зябнут несколько картин Ватто. Вот одна из них...

Композиция такая незначительная, что кажется таинственной.

Можно ли усмотреть здесь хотя бы проблеск сюжета? Только если придать черному платью значение траурного. Тогда перед нами — молодая вдова и соблазнитель, а мраморная плита на окраине парка вводит кладбищенский мотив. В перечне режиссура, необходимом для старинной пьесы «Каменный гость» в комедии дель арте, непременно значится «траурное платье для донны Анны»...

И не подумано настаивать на этом сближении. Разве что краешком мысли Ватто допускал тень такой режиссуры в свою картину. Есть небо, листва, шелк, есть гармония цвета. И то, что люди так бесконечно разобцены, точно куклы, забытые в саду детьми, обогащает содержание оттенком нереальности и щемящей загадки. Вот и все.

Но картина Ватто даже и самого рассудительного зрителя соблазняет поиграть в нее. Смысловые связи нарочно запутаны и порваны. Картина зовет вас принять в ней участие, разделить ролями, характерами, речами — бубновую даму и валета треф...

Говорят, что Ватто брал на кисть много масла, и от этого картины потемнели. Они как бы погашены временем. Но всматриваясь в них сквозь итмпеля столетий, мы все еще различаем состав палитры: мечту, иронию, печаль.

Самуил Лурье



Антуан Ватто. Капризница